

Татьяна Максименко

МОРЯ КОЛЫБЕЛЬ

Академия поэзии
Поэтическая библиотека России

Татьяна Дмитриевна Максименко
Моря колыбель
Серия «Академия поэзии.
Поэтическая библиотека России»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48484093

*Моря колыбель: стихотворения / Максименко Т. Д.: АНО «Редакция альманаха “Академия поэзии”»; Москва; 2019
ISBN 978-5-00095-918-3*

Аннотация

Максименко Татьяна Дмитриевна родилась на Кубани в 1952 году. Окончила Литературный институт им. Горького. Автор десяти поэтических книг. Публиковалась в журналах «Смена», «Литературная учёба», «Работница», «Юность», «Поэзия», «Сахар», «Таврия литературная» и др.; альманахах, коллективных сборниках и антологиях: «Строфы века» (под редакцией Е. Евтушенко), «Поэзия. Век XXI» (под редакцией В. Кострова и Г. Красникова) и др. Участник VIII-го Всесоюзного совещания молодых писателей. Член Союза писателей России. Лауреат Всесоюзного литературного конкурса им. М. Горького, лауреат премии издательства «Молодая гвардия» в номинации «Лучшая книга молодого писателя», лауреат московской областной премии им. Р. Рождественского, лауреат Открытого

поэтического конкурса-фестиваля «Шиповник-2019». Имеет литературные награды, в т. ч. орден «За вклад в просвещение».

Проживает в г. Жуковский Московской области.

Содержание

Солнце, опускаясь на колени, скрывается в туманном далеке...	6
Жизни сердцевина	19
Степь	19
Морская болезнь	20
Волны	22
Восходит солнце	23
Здравствуй, море!	24
На глубине	26
Это море шумит	27
Первый православный храм в Крыму	28
Шторм в Керчи	29
На вершине горы Митридат	30
В керченской степи	31
Поле	32
Красный конь	33
Белый конь	34
Уроки плавания	35
Юность	37
Ливень	38
На волне беспечности	39
Казачка	40
У костра	41

«Тихо скрипнет половица...»	42
После шторма	44
Сон	45
В степи	46
«Листва с полетами знакома...»	47
ИЗБАВЬ МЕНЯ...	48
«Послушай, это плачет тишина...»	49
В капле мёда, янтаря...	50
На баштане	52
«Весёлая кровь казака...»	54
Предок	55
«На току, где хлеб молотили...»	56
«У времени – свои пределы...»	57
«Больно пригожа осень...»	58
Летя на свет	59
Блаженство	60
Родное	61
Баллада о казачьей атаке	62
Награда	64
21 июня 1941 г	65
Медаль за отвагу	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Татьяна Максименко

Моря колыбель.

Стихотворения

**Солнце, опускаясь на колени,
скрывается в туманном далеке...**
(О поэзии Татьяны Максименко)

Таманский полуостров, омываемый Чёрным и Азовским морями, которые причудливо соединяются у его берегов, всегда впечатлял художников, поэтов и путешественников. На этой благодатной земле, где тысячелетия назад обитали скифы, сарматы, киммерийцы, греки, впоследствии обустроенной черноморским казачеством, велись и ведутся археологами кропотливые раскопки, а местные музеи переполнены ценными артефактами.

С четырёхлетнего возраста здесь, в окрестностях Анапы, у «Понта» (так называли греки Чёрное море), проводила лето талантливейшая поэтесса Серебряного века Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, дружившая с Александром Блоком. В годы Гражданской войны она заведовала образованием и здравоохранением Анапы, и даже одно время была

городской головой этого южного городка. После эмиграции во Францию она приняла монашеский постриг, получив имя Мария в честь святой Марии Египетской, и по благословению духовного отца, протоиерея Сергия Булгакова, начала своё нетрадиционное монашеское служение в миру, посвятив себя благотворительной и проповеднической деятельности. Мать Мария создаёт пансионат для туберкулёзных больных, в котором сама же выполняет и всю черновую работу. Во время нацистской оккупации Парижа общежитие монахини Марии на улице Лурмель стало одним из штабов французского Сопротивления. В феврале 1943 года гестаповцы арестовали Марию и её сына Юрия. Она была казнена в газовой камере в 1945 году (сын годом ранее). 7 мая 1985 года указом Президиума Верховного Совета

СССР Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева была награждена Орденом Отечественной войны II степени (посмертно), а в 2004 году канонизирована православной церковью как преподобномученица.

Читатель спросит: а почему это я в предисловии к книге Татьяны Максименко уделяю так много внимания монахини Марии? А всё дело в том, что её отец Юрий Дмитриевич Пиленко, владелец имений «Хан Чакрак» и «Джемете», продолжая дело своего отца, заложившего в округе Анапы сотни гектаров виноградников, стал известным виноделом. После революции от богатых имений остались одни воспоминания, да название сельского поселения Юровка, в честь отца Ели-

заветы Юрьевны.

Всего в двух десятках километров от вышеназванной Юровки, под Анапой, на хуторе Адагум, близ станицы Варениковская, в середине прошлого века родилась поэтесса Татьяна Максименко (в девичестве Толстая) в семье фронтовика Дмитрия Андреевича Толстого.

«Литературная» фамилия отца Татьяны связана с черноморским казачеством, где такие фамилии, как Чёрный, Осадчий, Толстый и др. происходили из прозвищ и выросли корнями в глубокую древность. Завидное чувство родства с близкими людьми, с малой родиной, где прошли детство и юность улыбчивой Тани Толстой, где море «за холмами», ощущается с первых же страниц книги «Моря колыбель»:

Заходишь в море: неба отраженье,
Осколки звёзд... Всевышнему хвала!..
И радости полны твои движенья:
Душа освободилась, поплыла!

С детских лет она много слышала о поэтессе «из Юровки» Елизавете Кузьминой-Караваевой и кое-что читала и о ней, и из её «Скифских черепков» (всё-таки,

Советская власть не запрещала произведения поэтессы, ставшей впоследствии героем Сопротивления). Неудивительно, что в ряде стихотворений Татьяна Максименко ведёт переключку с Елизаветой Кузьминой-Караваевой, «усердным работником на чернозёме поэзии» по выражению Го-

родецкого, сказавшей однажды: «Надо уметь ходить по водам...».

Есть такая притча: один человек, а это наверняка был поэт, потратил свою жизнь на то, чтобы научиться ходить по воде «аки посуху». В конце концов, ему это удалось. Окружающие люди с неодобрением смотрели на эти попытки, а затем на результат, пусть даже и впечатляющий. И тогда один мудрец сказал поэту:

«Зачем ты потратил столько времени и сил на то, чтобы таким необычным способом перейти реку? Сел бы в лодку и отправился на другой берег... Существуют и другие плавающие средства...». Да, существуют... Но попытка достичь желаемого с напряженной работой ума, души и сердца – не в этом ли смысл жизни? Ради высокой цели, а в данном случае – это книга стихотворений – прожитых лет не жалко, ибо наполнены они желанием жить, желанием пройти свой путь и ощутить бесконечность этого пути, ведущего к Богу.

Одним из ключевых стихотворений в книге является «Путь бесконечный», где автор выбрала эпиграф Е. Кузьминой-Караваевой: *«Идти, смеясь, идти вперёд/ Тропой крутой, звериным следом,/ И знать – конец пути неведом,/ И знать – в конце пути – полёт».*

Вот фрагмент этого стихотворения:

...Но нет конца пути: так долго он!

Несутся ключья туч со всех сторон —
И застыт свет. Спиралью звёздной путь
Уводит в небо, он – движенья суть...

Мой путь – душой угаданный пунктир
В страну, где благодатью дышит мир.
Я не случайно выбрала его:
Ведь то, что позади – уже мертво...

Нужно отдать должное автору этой книги: выбрав путь творческой самостоятельности, она не стала подражать любимой поэтессе Е. Кузьминой-Караваевой, столь часто цитируемой в книге и называющей себя «потомком огненосцев-скифов».

Поэтесса, в чьих венах течёт казачья кровь, нашла свои темы: её поэтическое восприятие мира, пожалуй, ближе всего к «чудотворству» Константина Бальмонта, автора знаменитого стихотворения «Будем как солнце!...»

Путь поэта лежит «в небесный град», «где благодатью дышит мир», и, видимо поэтому, стихи Татьяны Максименко наполнены солнечным светом, благодатью неба и земли:

...Душа для радости дана,
Чтоб в темноте могла светиться.

Я этот свет души несу
Как светлячок... В ночи теряюсь.

Но глядя утром на росу,
Под солнцем тут же загораюсь.

«Солнцепоклонница» Татьяна Максименко не мыслит свою жизнь без любви.

Когда она признаётся в любви к морю, то находит при этом столько эмоций и красок, чтобы выразить невыразимое в простых, но родственных гулкой стихии словах, что понимаешь: море в стихах Татьяны Максименко – не просто объект созерцания, умиротворения, воодушевления, созидания, но и фон, на котором разворачиваются картины непридуманной жизни. Здесь и путевые поэтические строки о встречах и расставаниях, и ритмические размышления о родной земле на юге России, о неиссякаемом чувстве любви ко всему родному, с воспоминаниями о детстве, пронизанными щемящей нежностью. Гражданский темперамент Татьяны Максименко позволяет возвести её лирику в ранг высокой поэзии и назвать автора мастером слова.

Прослеживается схожесть судьбы поэта с судьбами её ровесников, многие из которых покинули родные места в советские годы – годы великих строек. Да и сегодня молодые люди уезжают из малых городов и сёл в поисках романтики и самореализации, потому неслучайно в поле зрения поэта попадают то вокзал, то поезд, то попутчики в вагоне поезда.

Толчком для создания книги «Моря колыбель», своеобразного собрания стихотворений на морскую тему, создан-

ных в разные годы, послужила публикация авторских подборок Татьяны Максименко в двух недавних номерах журнала «Таврия литературная». Несмотря на обилие сюжетов и лирических героев, главная тема книги – мир природы:

Ход гусеницы – гибкой, осторожной —
Напоминает тайный ход веков,
Где мир природы – и простой, и сложный —
Предстал как цепь затейливых витков.

В той, неподвластной времени, пружине
Душа узрела высшее звено,
Где жив Творец на облачной вершине,
Плетутся лозы, давшие вино.

Где бабочки, и рыбы, и олени
Резвятся на зелёном островке,
А солнце, опускаясь на колени,
Скрывается в туманном далеке...

Мир человека!.. Бремя неживое
Погребено, землёй поглощено.
Реликты гложет пламя роковое,
Что было явью – стало сном давно...

Воспета в подробностях природа степного края: Кубани, где родилась и выросла Татьяна Максименко, и Крыма, где позже не раз посчастливилось побывать поэтессе в толпе

«курортниц нелегальных».

В каждом пейзажном стихотворении зоркий взгляд художника отсекает всё ненужное и насыщает поэтическую ткань произведения запоминающимися деталями. Это – и картина осеннего сада, где ярко вырисовывается личность лирической героини:

...Я, как терпкая айва:
До морозов не поспела!
Но тугая тетива
Ветра вновь толкает стрелы.

Никуда не скрыться мне:
Спелой гроздью винограда
Растекаюсь в тишине
Настороженного сада.

В капле мёда, янтаря
Отражаюсь, холодея...
Слишком поздняя заря,
Слишком смелая идея...

И картина сада летнего, где

...Сороконожка в зеркальце паслёна
С утра следит за мной,
А бабочка, с расцветкой орхидеи,
Влетая в солнцепёк,

Под пальцами моими холодея,
Дымит, как уголёк...

или

...Сад полон света, изнурён дремотой,
Игрой сквозных теней,
Незримой, нескончаемой работой
Верхушек и корней...

В отдельных стихотворениях ненавязчиво воссоздаётся курортное настроение, яркое ощущение свободы, как бы случайно выпорхнувшей на волю птицы, с беспечностью, в которой есть своя логика:

Скоротечны мгновенья беспечности,
Но на фоне печали они,
Становясь продолжением вечности,
Наполняют сиянием дни.

Для лирического подтверждения этой «сияющей беспечности» я процитирую одно из ранних стихотворений Татьяны Максименко, вошедших в её первую книгу «Родник в тени акаций», получившую в 1984-м году премию издательства «Молодая гвардия» в номинации «Лучшая книга молодого писателя»:

День вчерашний
Облупленными, будто штукатурка,
Плечами – я невольно солнце злила.
А моря музыкальная шкатулка
Во мне воспоминания будила.

Я снова окуналась в день вчерашний
В предчувствии полуденного зноя:
В гуляние в акациевой чаще,
В купание под спелую луною.

И юбка сарафана трепыхалась,
И галька под ногой моей шуршала,
И лодка вновь у берега качалась,
Сгущая крики чаек у причала.

А местный мальчик в ней, сверкнув очами,
Подвинул мне корзинку с виноградом,
А чтоб моторку волны не качали,
Стоял в воде с обрадованным взглядом.

Я брызги стёрла мальчику с ключицы
И почему-то в глаз поцеловала...
Мне у него бы нежности учиться,
Но мне с лихвой тогда её хватало...

Казалось бы, ну что в этом стихотворении такого: незамысловатый сюжет, юная героиня, легкомысленно согласившаяся на свидание с «местным мальчиком» и не ответившая

на его чувства, её откровение: «И почему-то в глаз поцеловала... «Нов 20-ти поэтических строчках заключена драматическая история несостоявшейся любви на фоне южного пейзажа, так органично дополняющего чувственное признание героини.

В значительной части стихотворений проза гармонично переплетается с поэзией, а поэзия с прозой, насыщая ткань стихотворения зримыми деталями и образами, где мирно соседствуют невесомость, лёгкость изящной словесности и весомость философского подтекста. Тема нетленности красоты трактуется поэтом в различных вариантах:

«Красота – обещание счастья...»
Красота – обещание счастья...
Красота – в стороне от стандарта.
Красота, опалённая страстью,
Словно снег сумасшедшего марта.

Красота – в шуме грозного моря,
В красках непредсказуемых неба,
В глубине дивноморских историй,
Неразрывных с явлением Феба.

«...Шесть лепестков, внутри – картина...»
...Шесть лепестков, внутри – картина:
Оттенков синевы не счесть!
Всё гармонично, всё – едино,

Для любованья повод есть!

А ветер крылья простирает,
Колышет стебли: красота!..

«...О, красота опаснее занозы...»
...О, красота опаснее занозы:
Её впуская в душу, ты грустишь...

«...Красота одна...»
...Красота одна
Питает жизнь, и сила – ей дана,
О ней вздыхают пылкие поэты...

«...Мимолётна красота: отцветёт и эта роза...»
...Мимолётна красота: отцветёт и эта роза...

Татьяна Максименко опровергает крылатую фразу Стендаля, что «Красота – это лишь обещание счастья». Придавая значение форме стихотворения (красота – это гармония формы!): ритму, размеру, рифме, в книге «Моря колыбель» поэт являет образцы открытости души к изумлению и чуду (ведь без высокой планки духовности красоты не будет!) и убеждает читателей этой книги, что «счастье – есть!».

Игорь Евгеньевич Витюк,

*поэт, публицист, литературный критик, заместитель
председателя Московской областной организации Союза пи-
сателей России,*

*Заслуженный работник культуры Российской Федера-
ции.*

Жизни сердцевина

Степь

*Недоступна чуждому народу
Степь, где с Богом в веках мы вдвоём.*

Е. Кузьмина-Караваева

Мне степь напоминает корку хлеба:
Не белого, но черного. Она
Волной полынной устремилась в небо,
На горизонте мрачных туч полна.

Там солнце, побледневшее от зноя,
Иссушит камыши и ковыли,
И развернёт, как свиток, предо мною
Стовековую летопись земли.

Там с Богом говорить намного проще:
Простор – и свет, и никаких преград!
И дух мой усмиряется, не ропщет,
Готов узреть вдали небесный град.

Морская болезнь

Зацепила душу фраза —
И покой ей только снился!
Море – в стадии экстаза,
И кораблик накренился.
Он, ведомый мутным светом
Маяка на горных склонах,
Не боится схватки с ветром,
Разъярённых волн солёных.

В клочьях туч сырое небо,
А душа – как в море щепка!
Для неё – что было, что небыль,
Но за жизнь схватилась цепко.
В три погибели согнулась,
Чтоб узреть желанный берег,
Потянулась, вострепелась,
С криком чаек – без истерик...

Шум утих... Устало море
Штурмовать скалу, как крепость.
А маяк на кособоре
Позабыл волны свирепость.
Солнце выглянуло... Утром
Море выглядело сытым:
Отливало перламутром,

Бирюзой и малахитом.

Волны

Разыгрались в море волны,
Мчатся буйным табуном.
Сил неистощимых полны,
Чёлн перевернув вверх дном.

От рассвета до заката
Море грозное шумит.
Нетерпением объято,
Средь солёных пирамид.

Тучи... Скалы-исполины...
Ветер морю – словно брат,
Ярым волнам дует в спины,
Прыгнув с кручи, как пират!

Восходит солнце

Нет, смерти нет! Есть кормчий на корме,
Есть слово Бог, что светится в уме,
Есть мысль: уже недалеко до рая.
Есть море, где алеет, догорая,
Лик солнца: он огромен, словно Бог,
Он чуток: слышит мой невольный вздох,
Когда лечу в невидимую бездну...
О катастрофах думать бесполезно:
Плывёт по небу месяц молодой,
Дыша прохладой, дремлет сад густой,
Где Ева тянет яблоко Адаму...
Сверни налево и направо... Прямо
Иди, иди... Когда увидишь свет,
Воскликнешь удивлённо: «Смерти нет!
Есть – жизнь! Восходит солнце над холмами».

Здравствуй, море!

Вот-вот покажется...
Уже совсем немного:
Ещё один дорожный завиток —
И – здравствуй, море!
Позади дорога,
А впереди малиновый восток.

Павлиньи перья так не трепетали,
Никто не пел так ни в одном хору,
Не обещал распахнутые дали
И белоснежный парус на ветру!

Дана морской стихии эта сила,
Величие и горделивый нрав,
Чтобы толпа её превозносила,
Разинув рты и головы задрав.

Бессонно бьются волны, дремлют горы,
Гудит, оставив след, аэроплан...
Слепят лучи, стихают разговоры,
Когда над морем небосвод багрян...

Заходишь в море: неба отражение,
Осколки звёзд... Всевышнему хвала!..
И радости полны твои движенья:

Душа освободилась, поплыла!

На глубине

Юная, крутолобая,
Смуглая – это я!
В грозное море пробую
Прыгнуть... Волны края
Нет, не жемчужной пеною
Пенятся, а клыки
Кажут ... Но постепенно я
Вынырну из тоски.

Арфа моя гудящая,
Солнце моё, луна!
Жизнь моя настоящая
В вечность устремлена!
Силы в ней много и легкости,
Радости и любви,
Молодости и ловкости...
– Бросьте канат!
– Лови!

Это море шумит

Это море шумит и плетёт свои кружева.
Набегут на скалу крутолобые волны-барашки —
И тогда закипает вокруг бирюза, синева,
Разливается горечь цветущей ромашки.

Это море шумит, округляя свои завитки
В совершенные локоны розовой Афродиты.
Это море шумит, и объятья его крепки,
И ладони для парусников открыты.

Это море шумит: и натянутая струна
Прозвучит – и напомнит о предстоящей разлуке.
Я не чайка, летать над волной не вольна,
Но невольно заплещутся крыльями белые руки.

Первый православный храм в Крыму

*Всё глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма...*

А. Ахматова

Свят Екатерининский собор —
Первый православный храм Тавриды,
Близок и знаком нам с давних пор:
На открытках памятные виды,
Ниши со святыми, мощь колонн,
Свечи, что мерцают у икон,
Храм, где дух Потёмкина витает...
И приделы храма – с трёх сторон,
Пантеон, где славу обретает
Воинство... В Очакове, поди,
Кто-то скажет: «Войны позади...»
Впереди – лишь шашлыки да пляжи...»
У поэта – колокол в груди:
Срок придёт – своё он Слово скажет.

Шторм в Керчи

Шумит, валы вздымая, Понт Эвксинский,
Скрывая древний город под водой.
И, обладая силой исполинской,
Грохочет гром июньский, молодой.

На море шторм! Срывает ветер крышу,
Раскалывают небо на куски
Зигзаги молний... Колокол услышу —
И вглядываюсь в даль из-под руки.

А там — завеса плотного тумана,
И тучи в стрелах молний вдалеке...
Там храм, что принял имя Иоанна,
Воздвигнут на любви, не на песке.

На вершине горы Митридат

Моря свежее дыханье,
Керчь – и Митридат-гора.
Изнурительна жара,
Вялых листьев колыханье.
Киммерийские ворота —
И ступени в небо... Мост:
Он вдали... А мне охота
Глянуть вниз, где во весь рост
Распростёрся город древний.
На ступеньках – зыбь веков.
Не уйти от сквозняков:
Всё отчётливей, напевней
Стонет арфа... Сам Эол
Эту арфу изобрёл.
Мне она напоминает
Про горячие бои:
Где осколки от гранат,
Где чужие и свои
Обагрили землю кровью,
Где тоску про долю вдовью,
Песни бережно хранят.

В керченской степи

Рваная рана оврага
На груди степной.
До родника – два шага,
Шелест травы и зной.

Коршун упрямо кружит,
Юркнула в норумышь...
Ветер с листвою дружит:
Зашелестел камыш.

Спрятался за высоткой
Старый окоп в полынь.
Линия неба чётко
Врезалась в степь, в теплынь.

Под молодой плакучей
Ивой – могильный холм.
Выпал мне грустный случай:
Вспомнила – в горле ком.

Дед мой погиб в атаке,
В братской могиле спит...
Там пламенели маки
В лунках из-под копыт...

Поле

Ветру нравится русское поле:

Как волнуется рожь при луне,
Где играют ведущие роли
Свет и тень, приближаясь ко мне!

Где бурьян, вырастая стеною,
Отряхнёт чужаков семена,
И – стена меж тобою и мною,
Снова чертополоха стена!

Это поле, что полито кровью
Человечьей, шумит по ночам.
Стебли маков, прильнув к изголовью,
Приближаются к сонным очам.

Утром птицы в воздушном потоке
Устремляются вдаль, за межу,
И гудит самолет на востоке,
За которым я долго слежу.

Красный конь

Конь! Казачий быстроногий конь:
Бьет копытом, гулко бьет копытом.
Ржаньем прогоняет страх погонь —
И скорбит о всаднике убитом.

Навсегда запомнил верный конь
Звонкий голос казака лихого.
Прыгнул в воду, а потом в огонь,
И от боли захлебнулся снова.

Больно видеть друга – седока
На земле, среди густой полыни.
Холодна у всадника рука,
Навсегда в степной остался глине.

Страшно, страшно жаркому коню
Сквозь кинжальный блеск великолепий,
Двигаться навстречу воронью
Одному среди бескрайней степи.

Белый конь

Белый конь в тумане тихо бродит,
Ветки верб мерцают у реки.
Белой ночью белый пароходик
Подаёт негромкие гудки.

След разлук в душе молочно-белый,
И от камня – по воде круги...
Жеребёнок – милый, оробелый,
В неизвестность ночи не беги!

Даже птицы в белые одежды
Рядятся, и, выйдя из воды,
Тянут крылья, полные надежды,
Прячутся в прибрежные сады.

Мягкие, как лён, свои ладони
На глаза роняет мне рассвет...
Где-то на лугах пасутся кони.
И короче этой ночи нет.

Уроки плавания

Отец стоит ко мне спиною,
Кричит с досадою:
— За мною!
Я страсть трусливых не люблю,
Капризных маменькиных дочек...
— Плыви!..
Мне б воздуха глоточек —
И я все окрики стерплю,
В холодной глуби погибая...
А под водою голубая
Рыбешка юркнула в траву...

И вынырнув, я по-собачьи
Барахтаюсь, смеюсь и плачу,
И все плыву, плыву, плыву...
Свисают мокрые косицы,
Немеют смуглые ключицы,
Слабеет тело, но река
Несет меня легко и вольно,
И усмехается довольно
Отец — и вот его рука!

О, счастье — заново родиться:
В воде плотвицею резвиться,
Над крышей ласточкой летать!

Проснуться утром солнцем алым,
К воде бежать ребенком малым,
Ромашкой в поле лепетать!

Юность

Родниковая радость,
Васильковая грусть.
Земляничная сладость,
Ветки тоненькой хруст.

Я губами срываю
Мякоть со стебелька,
Я восторг не скрываю
В кружевах сосняка.

И земля бесконечна,
И бессмертна душа.
Я юна и беспечна,
Воду пью из ковша.

В ненаглядное лето,
Где по пояс трава,
Уплываю, согрета
Солнцем, с чувством родства...

Ливень

Гром грохочет, тишина трепещет,
Птица в страхе кружит над гнездом.
Над соседней рощей ливень хлещет,
В свете молний одинок наш дом.

Как глотает жадно влагу вереск,
Как вздыхают стебли камыша!
Вслушиваясь в этот шум и шелест,
С музыкой слилась моя душа.

У природы свой оркестр, где скрипки,
Балалайки и аккордеон
Розовых бутонов будят свитки,
Слыша смех, переходящий в стон.

Я бегу домой в промокшем платье,
Где меня встречает мама: «Ах!..»
Этот ливень полон благодати,
Этот вечер свежестью пропах.

На волне беспечности

В сочетании мёда и горечи
Жизнь смакую, дышу и живу!
То слетаю на саночках с горочки,
То под парусом в море плыву.

Скоротечны мгновенья беспечности,
Но на фоне печали они,
Становясь продолжением вечности,
Наполняют сиянием дни.

Казачка

Поэту Владимиру Лория

Азарт веселья наполнял меня
И требовал горячего коня
И ветра, обжигающего щёки!
И музыки, гремевшей из садов,
Причастной к созреванию плодов.
— Я Вас люблю!
Пусть вслед летят упрёки!

Мне ни к чему надежная броня,
Вы всё равно поверите в меня,
Ведь ради Вас материки я сдвину,
Расплавлю вековую толщу льдов,
Чтобы звенеть ручьём на сто ладов:
— Я Вас люблю,
К Вам, как весна, прихлыну!

У костра

Жизнь случайна и неповторима...
Мы сидим у жаркого костра.
Тянут за собою струйку дыма
Донником пропахшие ветра.

Как меняет краски все живое,
Попадая в бешеный огонь!
Встряхивая гордой головою,
Красный куст заденет белый конь.

Он, гарцуя, смотрит взглядом кротким,
По веселым всадникам скорбя.
Он пришел сюда путем коротким,
И с надеждой смотрит на тебя.

Веет сокрушительною силой
И взлетает в языках огня!
Вслед ему тяну я руки:
— Милый,
Унеси на небо и меня!

«Тихо скрипнет половица...»

Тихо скрипнет половица,
За окном вспорхнёт птенец...
Здравствуй, матушка-девица!
Здравствуй, молодец-отец!

Вы меня не узнаете,
Я во сне гляжу на вас.
Вас, как птица на излете,
Разбудила в поздний час.

Я о раму в кровь разбилась,
О прозрачное стекло.
Мне свобода полюбилась,
Детство стало мне мало.

Звезд небесных тают свечи,
Убегает темнота.
Детство – утро, старость – вечер,
Мчатся зимы и лета.

Потому всё чаще, чаще
Возвращение назад:
Жест усталый, взгляд кричащий,
Обнаженный дикий сад.

Все свирепей ветер в поле,
Всё тревожней стук в окно...
Матушка, спаси от боли,
Ведь тебе не все равно,

Что со мною завтра будет,
И какая доля ждёт,
Кто в тоске меня забудет,
Кто с ума меня сведет...

После шторма

Дул ветер с моря, поднимая волны
На высоту, рекордную в тот день.
И крикам чаек вторили валторны
В моей душе, которой было лень
Трудиться, различая позитивы
Средь негативов... В мутный серый цвет
Окрашен берег, и его мотивы
Душе внушали, что покоя нет
Ни в воздухе, ни на земле, ни в море.
Что мгла морской простор заволокла,
И вдалеке невидимое горе
Несло в себе неотвратимость зла.
Но ветер стих, прозрачной сделал воду,
Пробился луч сквозь кипень облаков.
На берегу прибавилось народу,
У сетки волейбольной – игроков.
И в будничной вечерней круговерти
Запела радость жизни, как всегда.
Душа уже не думала о смерти,
Хотя ей это стоило труда.

Сон

Моря вспененного рокот,
Душ встревоженных сближение.
За спиною шум и грохот:
Катастроф шаги саженьи.

Волны ветра, древа локоть,
В небе облаков движение...
Разве можно пламя трогать,
Головы унять кружение?

Что случится вдруг со мною,
Что – в грядущем? Я не знаю.
Мне цветущею весною
Высь приснилась ледяная.

Жить наедине с виною,
Полюбить... Кого, родная?

В степи

Ветер шумит над хутором:
Яблоки – шлёп, да шлёп...
Звёздам полночным муторно:
Мучает их озноб.

И, поминутно кутаясь,
В тучи, как кожухи,
Смотрят на степь, где лютые
Волки и пастухи.

Ранняя осень, странная:
Заморозки и зной.
Силы сошлись неравные —
Ветер тому виной.

И на клочки разорвана
Тучка – или овца?
Ветер относит в сторону
Звяканье бубенца.

«Листва с полетами знакома...»

Листва с полетами знакома,
Ей суждено на землю лечь.
И вспыхнет свет в окошках дома,
И мягко шаль коснется плеч.

Кто шепчет за моей спиной,
Кто мне мешает ночью спать?
Склонилась осень надо мною,
Печальней, чем родная мать.

И шелестит вдали осина,
Окутав душу холодком,
И вязнет под ногами глина,
К утру покрытая ледком.

ИЗБАВЬ МЕНЯ...

*А в душу смотрит тишина
И ясный взгляд седого Бога...*

Е. Кузьмина-Караваева

От легкомыслия – к забвению,
Окаменелому бесчувствию.
Господь, пошли мне избавление,
Тогда звезду во тьме – найду свою.

Избавь меня от искушения,
Всели в меня великодушие...
И после кораблекрушения
Из моря выберусь на сушу я.

«Послушай, это плачет тишина...»

Послушай, это плачет тишина,
А ветер бродит на другой планете.
Горька любовь, но лишь она одна
Грустит о невозвратном нашем лете.

Другим уже, пожалуй, все равно:
Смеемся мы или во сне летаем...
Жаль, что открылась нам не так давно
Вся сердцевина жизни золотая.

В ней пыль веков и равнодушья тлен
Однообразны, как пески пустыни.
Но в красках осень... Что ей дам взамен?
Лишь зерна, замурованные в глине.

В капле мёда, янтаря...

Быстротечность тусклых зим,
Мимолётность ярких вёсен...
Образ твой неотразим,
Неожиданная осень.

Я как терпкая айва:
До морозов не поспела!
Но тугая тетива
Ветра вновь толкает стрелы.

Никуда не скрыться мне:
Спелой гроздью винограда
Растекаюсь в тишине
Настороженного сада.

В капле мёда, янтаря
Отражаюсь, холодея...
Слишком поздняя заря,
Слишком смелая идея.

Камень превращая в пыль,
Виноградный сок – в забвенье,
Расстелив седой ковыль,
Осень медлит на мгновенье.

Возвратив душе покой,
Ничего не обещая,
Свет подарит вдруг такой,
Сад в потёмках освещая!

С нею я пытаюсь в даль
Необъятную взглядеться,
И, закутанная в шаль,
Мамину – впадаю в детство..

На баштане

Я увидела бахчу —
И стрелой туда лечу.
Сторож – дедушка Осман,
Я же – гость, на пир не зван.
А вокруг – медовых дынь
Аромат... Суха полынь,
Но течёт арбузный сок,
Поднесёшь ко рту кусок —
Мякоть – розой расцвела,
Всем, кто пробовал, хвала!
– Выбирай арбуз! Щелчок:
Звон издал его бочок!
Полосат и сахарист,
Спел! И мой оправдан риск,
Это ведь не кот в мешке,
А кавун в моей руке,
Словно шар земной, пузат!
На баштане – детский сад:
Вот помельче карапуз,
Он тяжёл, и это – плюс.
Минус: не вошёл в рюкзак,
Как тащить его мне, как?
Крепко обняла его,
Сердцем ощутив родство.
Рук не разомкну сейчас,

Угощу арбузом вас...

«Весёлая кровь казака...»

Весёлая кровь казака
Бессонно поёт в моих жилах.
Ей течь предстоит сквозь века,
В запястьях пульсировать милых,
Под ветром степным горячить,
Под снегом краснеть, как шиповник,
Влить в душу – отвагу и честь,
А сердце – любовью наполнить.
Была для богатых бедой,
Зато утешеньем – для нищих!
В земле она стала рудой,
И маками – на пепелищах.
Пробилась сквозь губы – в слова;
Нетленная, червь не источит!
И шепчут о ней деревья,
И волны морские бормочут...

Предок

Война. Дожди.
Полк промок насквозь,
Увязла ось...
Попал в окружение,
И началось унижение...

Мой предок – казак:
Тоска в глазах,
Топал по глине
С болью в груди,
Мечтал очутиться
В станице родной,
Где конь гарцевал вороной...

Подростку в деревне отдал сапоги,
Простуженный сам, под глазами круги...
Не дав погоны сорвать с плеча,
Был расстрелян рукой палача.

«На току, где хлеб молотили...»

На току, где хлеб молотили,
Ветер швырял солому.
И меня старики простили,
С поля двинулись к дому.

Там, в беседке из винограда
Стол для гостыи накрыли.
— Чудо: видеть родное чадю! —
Обо мне говорили.

«У времени – свои пределы...»

У времени – свои пределы,

Где молодые сыновья,
Что жадны до любого дела,
Умчатся в дальние края.

Там, на чужбине, постепенно
Они поймут: отец и мать —
Не вечны... Их любовь нетленна:
Родительская благодать.

Прославят сыновья чужбину
Или с тоскою проклянут,
Во сне Россию, Украину
Увидят – тяжело вздохнут.

В конце концов, причалят к дому,
А там – лишь холмики могил...
И всё родное незнакомо
Откликнется, лишая сил.

«Больно пригожа осень...»

Больно пригожа осень
С шумом листвы в горах.
– Жизнь, нас порадуй! – просим,
Одолевая страх.

Страх – очутиться с краю,
Страх – покатиться вниз...
Снова я умираю
С толпами у границ.

Летя на свет

В глухую ночь душа моя проснулась,
Свечу узрела, слезы пролила,
И тоненькая ниточка тянулась
К другой душе, и шевелилась мгла.

Душа моя увидеть торопилась
Луч солнца, яркой бабочкой летя,
И горечь предрассветная клубилась,
И где-то в зыбке плакало дитя.

Летя на свет, душа моя сроднилась
Со жгучей болью, с чередой потерь,
Родившись там, где крыша накренилась,
Скрипела и распахивалась дверь.

Где проявилось вдруг в дверном проёме
Родное материнское лицо...
Но было пусто в деревенском доме,
Лишь голуби садились на крыльцо.

Блаженство

Блажен безумец, ждущий воздаянья,
Блажен гордец, возжаждав покаянья,
Блаженство – неземное чувство, брат.
Ведь жизнь – она ведет нас всех по кругу,
Заставив вспыхнуть чувственную выюгу,
Идти вперед – и никогда назад.
Но почему старик впадает в детство?
О, неужели есть такое средство —
Заставить время повернуться вспять?
Ведь все мы – все! – боимся возвратиться
В утробу... Мать-земля стирает лица
Людей, и на краю земли стоять
Нам страшно... Брат, живи, пока живется,
Пей воду из отцовского колодца,
Ребенку небо в звёздах покажи.
Что будет завтра? Я не разумею,
Но вновь пленяясь родиной своею,
Тянусь на свет ростком живой души.

Родное

У нас, в Подмосковье – дождь,
У вас, на Кубани, смерч...
У нас на опушке – хвощ,
В станичном кургане – меч.

Меж нами – поля, леса,
И в балках степных полынь,
Птиц звонкие голоса
И неба густая синь.

Томительна и долга
Дороженька к вам на юг.
Но мне она дорога:
Колеса стучат – и дух

Мой крепнет: какой простор,
Лиманы и плавни – там!
Река оживляет взор
С дорогой к родным местам.

И лица людей просты,
Приветливы... Боже мой!
Прости же отец, прости,
За долгий мой путь домой...

Баллада о казачьей атаке

*Перед нами встали какие-то казаки.
Это черти, а не солдаты,
а кони у них стальные.
Живым нам отсюда не выбраться.*

*Из письма итальянского офицера, 1942 г.
«История земли Куцевской» г. Кропоткин, 2009*

Война. Россия. Год сорок второй.
Кубанская земля для итальянцев
Родной не стала. Море – за горой.
Пришельцам не до песен, не до танцев.
Их встретили не черти – казаки.
У них стальные кони, шапки, бурки,
Но шашки – наголо! Лишь взмах руки —
И головы летят... Подвижны, юрки,
Готовы наступать – и тут же смять
Ряды пришельцев. Смелые атаки
Внушают страх. Врагам не устоять.
Кто кулаками машет после драки?

— Отсюда нам не выбраться живым, —
С тоской в Тоскану итальянец пишет.
Коль на земле мы Бога прогневим —
На небесах нас Бог уже не слышит.

...Все так. Завоевателей следы
В потустороннем веке затерялись.
А новый век с нашествием орды
Усилил гнев Господний... Простирались
Пред Божьим оком в дымке рубежи,
И линии судьбы, и очертанья
Грядущих бед, и васильки во ржи —
И прочные основы мирозданья!

Ты спрашивал: зачем была война?
Наверное, затем, чтоб нам сплотиться,
И долго в реках памяти светиться,
И в час беды воспрянуть ото сна.

Награда

По крови я – кубанская казачка:
Скуласта и глазаста, и настырна.
В благих делах не свойственна мне спячка.
И не привыкла я стоять по стойке: «Смирно!»

Спешу туда, куда спешить не надо,
Влезаю в спор, презрев толпы молчанье...
В конечном счёте, ждёт меня награда:
Улыбки, песни, крылья за плечами.

Мне нелегко: в крови моей лютуют
Степной сквозняк и брага винограда.
Но песню я всегда пою такую,
Где плакальщицей быть в натуре надо.

Ведь пращуры мои в боях мужали
И землю щедро кровушкой поили.
О них гремят истории скрижали,
Их подвиги хранят людские были.

Казачество! Минувшая эпоха
Слезам вдов и матерей умылась...
Сражаясь со времён царя Гороха,
Мы верим: снизойдёт к нам Божья милость.

21 июня 1941 г

Еще мой дед, копающий криницу,
Не знает, что погибнет на войне...
И лепестки акаций на станицу
Летят, где предстоит родиться мне.

В непаханой степи пасутся кони,
Достраивает клуб колхоз «Борец»,
И одуванчик в маминой ладони
Взьерошен, словно пойманный птенец.

А мой отец – задумчивый подросток —
Модель аэроплана мастерит.
Удачный взлет...
Но крылья в красных звездах
Запутаются в зарослях раkit.

Еще земля в подсолнухах и маках,
Еще снаряды – в дремлющей руде,
И тракторист о танковых атаках
Не ведает, пройдя по борозде...

Но у травы уже тревожный запах.
Вот-вот от взрывов лопнет тишина!
И солнце в страхе пятится на запад,
В кровавых тучах прячется луна.

Медаль за отвагу

*Моему отцу-фронтовику,
Дмитрию Андреевичу Толстому*

Гимнастёрки новые, пилотки:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.